

Крестовский Всеволод Владимирович

**Очерки кавалерийской
жизни**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В84

В84 **Всеволод Владимирович К.**
Очерки кавалерийской жизни / Крестовский Всеволод Владимирович – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 414 с.

ISBN 978-5-519-91087-3

Содержание. От штаба до зимних квартир; Базарный день в Свислочи;
По поводу либеральных приветствий; На траве; Облава на уток; Что делает
ворона; Полковые приживалки.; Буянов - мой сосед; Кто лучше

ISBN 978-5-519-91087-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Отъ штаба до зимнихъ квартиръ.

I.

Сборы и проводы.

— Ваше благородіе, вахмистръ пришелъ.

— Зови его сюда.

Входитъ эскадронный вахмистръ — солидная, солдатски-представительная фигура—и останавливается у двери.

— Здравствуй, Андрей Васильичъ! что скажешь?

— Здравія желаю, ваше благородіе! Такъ какъ теперича, ваше благородіе, завтра выступать, такъ майоръ просятъ васъ, чтобы вы изволили эскадронъ отвести, по той собственно причинѣ, какъ они сами изволятъ еще въ городѣ оставаться—потому не здоровы-съ—такъ просили, чтобъ вы ужъ за нихъ.

— Хорошо. Передай майору, что будетъ исполнено.

— Слушаю-съ. Больше ничего приказать не изволяете?

— Больше ничего... Развѣ вотъ что: Степанъ! поднеси вахмистру стаканчикъ водки!

— Покорнѣйше благодаримъ, ваше благородіе!

Водка подана и охотно принята съ вѣжливо-церемонной деликатностью.

— За ваше здравіе-съ! — и стаканчикъ разомъ опровергается въ широкую вахмистерскую глотку.

— Счастливо оставаться, ваше благородіе!

— Прощай, Андрей Васильичъ!

Солидная фігура степенно скрывается и осторожно притворяетъ за собою дверь.

И такъ, завтра на зимнія квартиры. Выступать въ восемь часовъ утра, стало быть—надо проснуться въ шесть, а теперь первый часъ дня: времени, для того чтобы изготавиться, очень достаточно, тѣмъ болѣе, что офицерскіе сборы не велики: походная складная кровать съ кожаной подушкой, чемоданъ съ бѣльемъ и платьемъ, коверъ—какъ неизмѣнное и даже необходимое украшеніе офицерскаго бродячаго быта, да еще походный погребецъ; ну, да пожалуй, ружье да собака—вотъ и все хозяйство! Но въ этомъ хозяйствѣ, знаете ли вы, что достопримѣчательнѣй всего? — Это именно погребецъ, характерные образцы котораго, кажись, только и можно встрѣтить въ быту армейскаго офицера, потому что кому же онъ надобенъ, кромѣ человѣка, обреченнаго на вѣчно-бродячую жизнь? Такимъ образомъ, изъ „русской“ лавки любаго ярморочнаго балагана этотъ неизмѣнный, традиціонный погребецъ переходитъ непосредственно въ офицерскія руки. Представьте вы себѣ маленькій сундучекъ, менѣе аршина въ длину, около трехъ четвертей въ ширину, обитый оленью шкурой, окованный жестью, съ непремѣнно звонкимъ внутреннимъ замкомъ,—а между тѣмъ въ этомъ скромномъ вмѣстилищѣ чего-чего только не заключается!—Тутъ и кругленькій походный самоварчикъ на четыре стакана, миниатюрные экземпляры которыхъ помѣщаются рядомъ, тутъ и мѣдная кастрюлька, крышка которой, въ случаѣ надобности, можетъ замѣнить собою и сковородку, для чего при ней имѣется и желѣзная ручка. Тутъ и мисочка для похлебки, и четыре тарелки: двѣ мелкихъ и двѣ глубокихъ; тутъ и чайникъ, и чайница, и сахарница, и солонка, и перечница, и чернильница съ песочницей, и два большіе штофа со щегольскими пробками—„аплике“, и все это накрывается подносомъ, прилаженнымъ къ крышкѣ, въ которую направлено еще

и небольшое зеркальцо. Но все это богатство составляет только верхній этажъ офицерскаго погребца: приподнимите за ушки вкладное вмѣстилище всей этой роскоши, — подъ нимъ окажется этажъ нижній, гдѣ имѣются отлично прилаженные помѣщенія для пары ножей и вилокъ, двухъ столовыхъ и четырехъ чайныхъ ложекъ, для салфетки и полотенца, для карандаша съ перомъ и ножомъ перочиннымъ, для гребешка и бритвы и даже... для сапожныхъ щетокъ. Такъ вотъ что-за штука этотъ походный погребецъ—незамѣнимый и неизмѣнный другъ и товарищъ армейской жизни! Какъ разложишь всѣ его богатства, такъ просто изумляешься: гдѣ и какимъ образомъ можетъ вмѣститься столько разнообразныхъ вещей въ такомъ маленькомъ сундучкѣ, съ такимъ тѣснымъ объемомъ, а между тѣмъ все это вмѣщается, все это такъ искусно, такъ ловко пригнано и прилажено, что просто не хочется вѣрить, будто погребецъ не есть изобрѣтеніе какого-нибудь аккуратнаго нѣмца, а чисто наше „рассейское“.

И такъ, почти все наше хозяйство заключается въ этомъ мудреномъ погребцѣ, а для остальныхъ вещей — небольшой чемоданъ, или выюкъ — и готово! Сборы въ походъ ни коимъ образомъ не займутъ болѣе получаса времени. Но все-таки надо кой о чемъ подумать: во-первыхъ, нанять пароконную подводку подъ вещи, потому что походъ хотя и не великъ, но все-таки продолжается трое сутокъ; во-вторыхъ — надо заказать въ трактирѣ жареную курицу, да жаренаго поросенка съ фаршемъ, да штукъ тридцать пирожковъ съ калустою, на придачу, потому что безъ этихъ необходимыхъ запасовъ рискуешь на пространствѣ всѣхъ трехъ переходовъ не найти ровнехонько ничего изъ удобо-сѣдмаго.

Но курица съ поросенкомъ—это пустяки: заказать ихъ не долго, а главное дѣло, чтобы подводку повыгоднѣе нанять. Отправляемся на почтовую станцію, гдѣ встрѣчаетъ насъ прикащикъ содержателя конной почты. Прикащикъ „изъ насшихъ“, со всѣми характерными отличіями фizioноміи, запаха и костюма. Объявляемъ ему нашу надобность.

— Спшкѳлки кѳней ви гавѳриту? вѣжливо и любезно прищуриваетъ онъ глазъ.

— Пару.

— Па-ару?.. Ну, й зачѣмъ вамъ пару!—Берить тройка! Увсѣ гхароспи гаспидѣ зауспигдѣ на тройка ѣхаютъ и въ калаколчикъ. Ми вамъ будзимъ одпусшкаць сшами лучши куръерешки тройка!

— Миѣ нужно не подъ себя, а подъ вещи мои.

— Подъ виѣшу?.. Ну, то може какой гхароспій виѣшу, гхурешталъ, чи то фаянцы?.. А подъ гхароспи виѣшу нада гхароспи кони.

На этотъ аргументъ ему категорически объявляется, что если спрашиваютъ пару, то стало быть только и нужна пара, а не тройка.

— Н-ну, якъ пара, то хай и пара!.. Можно й пару! За-чѣмъ виѣтъ?.. А докуда васше благородю ѣхать будете?

— Въ Свислочь.

— До Спвисшлочь?.. до сшями Спвисшлочь!.. А зачѣмъ такъ далѣока? зачѣмъ до Спвисшлочь?

— Затѣмъ, что тамъ эскадронъ стоять будетъ.

— Сшквadro-онъ?.. Вуляньски сшквadroнъ?

— Ну, конечно уланскій.

— А!.. гхэта доволна гхарасшьо!.. Тамъ есть мадамъ Янкелѣва, сшвой ляфка дѣржитъ зъ рижской вина и зъ увсшекимъ припасомъ; ей будзиць гхароспій гхандель... Но толки зжвините: ви гавѣритю, сшто сшквadroнъ исцо не сштаиць, а толки будзиць сштаяць?

— Да, будетъ.

— Ну, якъ исцо толки будзиць, то лепшъ бѣриць кони до Сшкидель, бо у Сшкидель вже стаиць.

— Куда жъ, любезный другъ, въ Скидель?! Скидель вонъ гдѣ, а Свислочь эва куда!—Совсѣмъ въ другую сторону!

— Зжвините, але-зжъ и на Сшкидель тожже вуляны сштаяць, и тожже цалы сшквadroнъ.

— Да; только тамъ четвертый, а нашъ—первый.

— Н-ну, и сшто таково, сшто читворты, сшто пѣрви, какгда-зжъ то ни увсшѣ равно?! Увсшѣ равно такой зже гхароспи сшквadroнъ и такой зже вулянскій!.. Але зжъ до Сшкидель толки двадцяць-восшюмъ вѣрстѣвъ, а до Спвисшлочь восшим-

дешють, а може й цалы сшто, а може й болшь якъ за сшто, бо вѣрсту тамъ не мѣренной... И сшто вамъ за агхота ѣхаць такъ очинъ далѡка?!

— Ну, ужъ это не твое дѣло разсуждать! Я тебя спрашиваю, сколько возьмешь за пароконную бричку въ Свислочь?

— Ой-вай! сшто зжъ изъ васъ увзяць?.. Ми не задѡрого—ми по сповѣстю: двадцать-пѣць цилковихъ.

— Что такое? двадцать-пять цѣлковыхъ?! Да ты опалѣлъ?!

— Нѣтъ, то може исшо мой папѣньку спалѣлъ, а ми вжѣ здаровій!.. Меншь — дали-Бугъ! — не можна!.. А ни якимъ сппасѡбемъ не можна!

Начинается торгъ продолжительный и упорный. Еврей спускаетъ понемножку и все убѣждаетъ брать коней до Скидела, — „бо кабъ до Спкидель, то можна й за дванадцать, а то и за двѣсѣнь рубли“, но послѣ переговоровъ, длящихся по крайней мѣрѣ полчаса, въ теченіе которыхъ жидъ пробуетъ подѣть васъ и такъ, и эдакъ: то лѣстя самолюбію, то даже устыжая: „фѣ! такій гхароспій, такій бегатый, але зжъ такій спкупій гасшпидинъ!“ — дѣло, наконецъ, слаживается на двѣнадцати рубляхъ съ кормомъ коней и довольствіемъ ямщика отъ нанимателя.

И такъ, поросенокъ заказанъ, кони поряжены, вещи уложены, — стало быть, все уже готово! Слава тебѣ, Господи! Можно, значитъ, съѣздить къ кой-кому изъ хорошихъ знакомыхъ и проститься.

У солдата сборы гораздо короче, а если и замедляются они нѣсколько, то развѣ тѣмъ, что иной изъ нихъ отпросится у вахмистра въ городъ на базаръ купить себѣ что-нибудь необходимое въ его личномъ хозяйствѣ: какія-нибудь шерстяныя вязанныя перчатки, или носки, какихъ-нибудь нитокъ, иголокъ, воску да костяшекъ, если онъ портной, какой-нибудь дратвы да вару, если сапожникъ, да развѣ еще какой-нибудь яркопестрый ситцевый платокъ въ подарокъ старой знакомкѣ — будущей своей „зимовой хозяйшѣ“, которая была уже его хозяйшкой и въ прошлую, и въ позапрошлую зиму. А уходя

съ осенняго постоя, онъ все свое незатѣйливое имущество упаковуетъ около сѣдла, подъ попонку, на что времени потребуется ему не болѣе десяти-пятнадцати минутъ, и потому солдатская укладка начинается уже въ самое утро выступленія, передъ сѣдловкой. Съ кумомъ какимъ-нибудь онъ простился еще съ вечера, причемъ кумъ угостилъ его крючкомъ водки, а добрая кума, — буде есть такая, — еще наканунѣ выстирала ему сорочку, заштопала порты и приготовила кусокъ свиного копченаго сала, какъ прощальный гостинецъ на дорогу, чтобы солдатъ не забывалъ ее до слѣдующей осенней стоянки.

Нѣкоторыя затрудненія случаются только для старшаго вахмистра, и происходятъ они вотъ отчего: стоитъ эскадронъ, положимъ, хоть на осеннихъ квартирахъ, во время осенняго полковаго сбора, недѣль шесть, или около двухъ мѣсяцевъ, въ какой-нибудь деревушкѣ, по близости полковаго штаба. При выступленіи, эскадрону надо получить отъ старосты квитанцію, что обыватели къ солдатамъ никакой претензіи не имѣютъ; но крестьяне, иногда справедливо, а иногда и облыжно, непременно заявляютъ кляузныя претензіи: у Ясюка, молъ, огородъ потоптали, а у Мацея шлея да два куля соломы изъ сарая пропали, а у Криштофа изъ-подъ хмѣлю тычины не вѣсть куда повыверганы — все это суть претензіи, которыя слѣдуетъ удовлетворить, потому что не наряжать же стать формальнаго слѣдствія изъ-за Мацевыхъ кулей да изъ-за Криштофовыхъ тычинъ, когда завтра на разсвѣтѣ эскадрону выступать изъ деревни. Значитъ, вахмистру надо помириться, чтобы получить квитанцію. А какъ помириться — дѣло известное. И староста съ сотскимъ, и Мацей съ Ясюкомъ очень хорошо уже, изъ долгаго житейскаго опыта, знаютъ способъ этого мира. Они знаютъ, что вахмистръ любезно и дружелюбно зазоветъ ихъ въ корчму, поставитъ имъ двѣ, или три кварталы водки; Мацей съ Ясюками напьются, покалякаютъ, посчитаются кто чѣмъ, прослезятся и скажутъ: „а бувайце здоровеньки, брадики! вертайтесь до насъ, да кабъ паскарѣйшъ!.. Дай вамъ Боже выселы пущь! Пращавайце!“ — и эскадронъ разстается пріятелемъ со всѣми Ясюками и Криштофами, всѣ претензіи которыхъ, настоящія или мнимыя, въ сущности за-

ключаются лишь въ полученіи дароваго угощенія двумя-тремя квартами водки.

Въ ночь передъ выступленіемъ солдатъ просыпается очень рано. Еще небо темно и играетъ яркими звѣздами, или подернуто мгlistымъ, холоднымъ сумракомъ; еще вторые пѣтухи только-что начинаютъ голосисто перекликаться между собою съ разныхъ концовъ погруженной въ глубокій сонъ деревни, а уже солдатикъ, зѣвая и бормоча про себя: „охъ тихъ-тихъ-ти-ихъ... Господи Іисусе Христе!“—протираетъ кулакомъ глаза, натягиваетъ сапожища, набрасываетъ на плечи шинель и по хрусткой, заморозковой почвѣ пробирается черезъ дворъ къ конюшнѣ, гдѣ, мѣрно хрустя зубами и изрѣдка пофыркивая, стоитъ его конь, въ ожиданіи утренней уборки. Въ ночь передъ выступленіемъ солдату обыкновенно плохо спится: все кажется, даже и во снѣ, что не успѣешь убраться, что проспшишь тотъ часъ, когда, идучи вдоль сонной деревни, эскадронный трубачъ на старой, дребезжащей трубѣ зычно и отчасти фальшиво протрубитъ въ ночной тишинѣ знакомые звуки генераль-марша:

Всадники-други, въ походъ собирайтесь!
Радостный звукъ насъ ко славѣ зоветъ:
Съ бодрымъ духомъ храбро сражайтесь!—
За царя, родину сладко намъ смерть принять!
Сѣдлай!

Но долго еще до того времени, когда вслѣдъ за высокимъ финальнымъ звукомъ трубы повторится громко и долго-звучно на всю деревню команда взводныхъ вахмистровъ: „сѣдла-а-ай!“

А между тѣмъ солдатикъ уже всталъ, осмотрѣлъ лошадь, зачистилъ ее, задалъ гарнецъ утренней дачи, заложилъ сѣна и покрылъ попоной, въ ожиданіи этого зычнаго вахмистерскаго окрика. Потомъ тутъ же на дворѣ умылъ руки и лицо посредствомъ самаго простаго, незатѣйливаго способа: набирая себѣ въ ротъ воды изъ глинянаго хозяйскаго кувшина. Вода холодна и деретъ ему кожу, но это ничего: дѣло здоровое! — а умывшись, солдатикъ становится еще бодрѣе; сталъ степенно, лицомъ на востокъ, гдѣ еще и не думаетъ сѣрѣть бѣлесоватая

полоса восхода, и, осѣняя себя широкимъ крестнымъ знаменіемъ, шепчетъ свою тихую молитву. Пока онъ справился съ лошадыю, пока самъ умылся, Богу помоллился, да приодѣлся,—глядь:—прошло часа полтора времени. Третьи пѣтухи поютъ; на востокъ чуть-чуть засвѣрѣло, хотя звѣзды блещутъ и мигаютъ все также сильно и свѣтло въ темной глубинѣ неба, а кое-гдѣ по избамъ у иныхъ добрыхъ хозяевъ уже яркій огонь въ печи затрещалъ; по деревнѣ дымкомъ потянуло; замычалъ теленокъ въ какомъ-то хлѣву; заскрипѣлъ „журавель“ надъ колодцемъ—и пустая бадья звучно ударилась въ глубинѣ криницы объ сонную и вдругъ забулькавшую влагу... Голоса слышны кое-гдѣ; по конюшнямъ фыркаютъ кавалерійскіе кони и гулко бьютъ копытами промерзлую землю. Эскадронная собаченка, „Шарикъ“, съ закорюченнымъ хвостикомъ, весело затыкала и, обнюхиваясь, рѣзко побѣжала вдоль по деревнѣ въ припрыжку, подпрыгивая слегка гдѣ-то пришибленною заднею ногою. Тамъ и сямъ около хатъ и сараевъ чаще замелькали солдатскія темныя фігуры, въ полутъмѣ похожія на какія-то бродячія тѣни. Въ низенькихъ, крошечныхъ оконцахъ засвѣтились огни.—Деревня мало-по-малу проснулась. И дымкомъ тянетъ по низу сильнѣе и гуще.

Прошло еще около часу—и вотъ трубачъ пошелъ вдоль по деревнѣ, съ одного конца до другаго. Раздались рѣзкіе, дребезжащіе звуки.—„Генералъ-маршъ“ будто-бы будить солдатиковъ, а они всѣ и безъ него ужъ давнымъ-давно проснулись. И не успѣлъ еще затеряться за ближнимъ пригоркомъ въ холодномъ передразсвѣтѣмъ воздухъ издалика-слышный высокій звукъ трубы, какъ уже съ четырехъ концовъ деревни почти разомъ раздается эта знакомая и давно ожидаемая команда: „сѣдлай!“—и солдатики вмигъ засуетились.

Въ конюшняхъ — слышно — то тамъ, то здѣсь фыркаютъ, храпятъ и бьются сѣдлаемые кони, раздаются обращаемые къ нимъ возгласы:

— Но-о, ты!.. Куда-а?!. Смирно!.. Ы! лѣшій!.. Сто-ой!..

— Шклянникъ! Поддержитка-сь, братецъ, свою Баранесу! мѣшаетъ, подлая: зубамъ балуется...

— Бочаровъ! куды-те, дьяволъ, щетки мае задѣвалъ? Отдай щетки-то!

— Трохименко! прячьте, пожалуйста, вашъ недоуздокъ!— валяется!

А въ это время взводные вахмистра похаживаютъ по конюшнямъ да подбадриваютъ:

— Но-но, ребята!.. встрепохнись, ворошись!.. Живо, живо, братцы! Живѣя! И то, вишь, сколько запоздали!.. Ну-ну, не копайси! Чтобы въ секунтъ!

Но „ребятки“ не копаются: они и безъ поощреній, ужъ сами по себѣ, „въ секунтъ“ готовы,—и вотъ, то съ того двора, то съ этого, полязгивая тяжелыми саблями, сходятся къ сборному пункту, то-есть къ вахмистерской квартирѣ, одиночные всадники, ведя коня въ поводу и вольно положивъ на плечо пику.

Андрей Васильевичъ въ это время давно уже „встамши“ и наскоро чайкомъ заниматься изволятъ.

Вотъ зашли къ нему „взводные“ доложить, что люди, почитай, готовы, а онъ ихъ чайкомъ:

— Карпъ Макарычъ! Илья Степанычъ! Кушайте, пожалуйста!.. безъ сумленія!.. Наливайте-тка! да только, значится, поскорѣя!

Взводные наскоро втягиваютъ въ себя горячій, дымящійся чай, кто изъ стакана, кто изъ чашки, кто изъ кружки,— обжигаютъ себѣ при этомъ глотки, морщатся, пучать глаза, но это ничего, потому вахмистерскій чай, извѣстно,— дѣло горячее.

Но вотъ вахмистръ выходитъ ко фронту.

— Всѣ ли въ сборѣ, ребята?

— Всѣ, какъ есть, Андрей Васильичъ!

— Никто ничего не забылъ?.. Осмотритесь-ко!

— Все какъ есть, при себѣ... будьте безъ сумленія!

— Ну, ладно!.. Садись!!

И фронтъ заколебался: солдатики ловкимъ взмахомъ взбираются на тяжело-завьюченныхъ лошадей, изъ ноздрей которыхъ паръ валитъ клубами. Слегка прозябшіе кони нетерпѣливо фыркаютъ и бьютъ копытами закорюзлую землю.

Вотъ, наконецъ, всё сѣли и разобрали повода. Вахмистръ снялъ шапку и крестится, — весь эскадронъ тоже крестится начинается.

Около кучки бабъ и мужиковъ, староста съ сотскимъ, опершись на свои дубинки, да нѣсколько мальчишекъ, запрятавъ прозябшія ручки въ спущенные рукава холщевыхъ сорочекъ, любопытно посматриваютъ на всю эту процедуру.

— Ну, братцы, съ Богомъ! раздается голосъ вахмистра. — Смирно! Съ права по три, шагомъ... Ма-а-ршъ!

И эскадронъ тихо двинулся, слегка колебля надъ своею темною массой легкіе флюгера, въ сѣровой мглѣ разсвѣта.

Мальчишки, въ припрыжку, звонко перекликаясь между собою, провожаютъ его и задираютъ эскадроннаго Шарика, который тоже въ припрыжку на трехъ своихъ ногахъ, съ веселымъ, радостнымъ лаемъ и визгомъ швыряется во все стороны, то кидается между рядами, то забѣгаетъ впередъ и, вертя своимъ закорюченнымъ хвостикомъ да скаля зубы, ласково засматриваетъ лошадямъ и людямъ въ глаза, словно бы говоря имъ этимъ взглядомъ: „Ну, вотъ, братцы мои любезные, и опять дождались походу!.. Да взгляните же на меня, на Шарика-то! — И я вѣдь вмѣстѣ съ вами! Никуда отъ васъ! Привелъ Господь Богъ, значить, опять прогуляться; только — ай, ай! цѣлый переходъ придется безъ кормежки въ сухую отмахать!.. И-ихъ ты! весело!..“

И люди, и кони словно бы понимаютъ Шарика: первые улыбаются ему, а вторые ласково пофыркиваютъ, мотая на него книзу головами и вдругъ осторожнѣй начинаютъ переступать, какъ бы нарочно для того, чтобы невзначай не задѣть его копытомъ, когда онъ вдругъ затешется и заезозитъ между рядами.

Староста съ сотскимъ, убагадушенные вчерашнимъ вахмистерскимъ угощеніемъ, отправились, опираясь на свои дубинки, провожать эскадронъ далеко за околицу, а съ другой стороны рядовъ увязалась за однимъ виднымъ, красивымъ солдатикомъ какая-то молодая бабенка и, выпятивъ корпусъ впередъ, поспѣшаетъ босикомъ за лошадинымъ ходомъ, лишь